

**МЕТАФОРА МАШИНЫ ВЛАСТИ
В ДИСКУРСЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТРАКТАТА Т. ГОББСА «ЛЕВИАФАН»)**

Я. А. Кирсанов

Саратовский государственный технический университет

Поступила в редакцию 7 февраля 2009 г.

Аннотация: статья посвящена метафоре машины власти как одной из магистральных для новоевропейского дискурса. В статье рассматривается появление данной метафоры в европейской культуре, причем основное внимание уделяется теории государства Т. Гоббса, популяризовавшей и органично вписавшей этот образ в дискурс эпохи. Метафора возникла в контексте механистической традиции, согласно которой машина выступала в качестве универсальной модели бытия, а также новой рациональной системы мышления. Т. Гоббс, являвшийся приверженцем механицизма в философии и абсолютизма в политике, одним из первых использовал мифологему «машины государства», создав общее семиотическое поле для понятий «техника» и «власть». Таким образом, трактат Гоббса порождает в дискурсе Нового времени мощную традицию, эксплуатирующую данную метафору.

Ключевые слова: метафора, власть, механицизм, абсолютизм, Новое время, дискурс.

Abstract: *the article explores the metaphor of the machine of power as the influential one for the discourse of the Modern Age. The appearance of this metaphor in modern European culture is revealed, and special attention has been given to the state theory of T. Hobbes who popularized the image and inserted it into the discourse of his age. The metaphor originated in the context of mechanistic tradition, according to which the machine was the ideal model of the Universe and the new rational system of thinking. T. Hobbes was the first to exploit this particular mythologeme, thus creating the common semiotic field for the concepts of «technics» and «power». It is therefore possible to say that the treatise of Hobbes generated the powerful tradition in sociopolitical discourse of the Modern Age, based on exploitation of this metaphor.*

Key words: *metaphor, power, mechanicism, absolutism, the Modern Age, discourse.*

Метафора машины власти — одна из центральных в дискурсах Нового времени. Такие языковые клише, как «государственная машина», «бюрократический механизм», «аппарат власти» — прочно вошли в лексику не только научно-публицистической риторики, но и повседневности. Метафора неоднократно находила буквальное воплощение в искусстве (литературном, изобразительном, театральном и т.д.), определяла эстетику целых направлений, становилась объектом постмодернистской игры. Метафора органично объединяет в себе два ключевых феномена культуры Нового времени: феномен техники (и связанный с ней спектр проблем — социальных, экономических, этических, фило-

софских и др.) и феномен власти. Взаимосвязь этих двух феноменов обусловлена рядом хозяйственно-экономических и культурно-исторических факторов, способствующих как экстраполяции технических принципов на властные процессы, так и усилению властной маркированности техники. Соответственно, можно говорить о мощном архетипе «машины власти» как основополагающем для европейской культуры Нового времени, и, следовательно, о крайне продуктивной рабочей мифологии, используемой художниками, политиками и учеными. В данной статье рассматривается возникновение метафоры машины власти в европейской культуре Нового времени, причем основное внимание уделяется теории государства Т. Гоббса, популяризовавшей и органично вписавшей этот образ в дискурс эпохи.

Однако прежде целесообразно рассмотреть предысторию образа «машины мироздания», производной от которого стала метафора машины власти. Метафора возникла в контексте механистической традиции Нового времени, для которой характерна экстраполяция принципов машины на явления окружающего мира. В механицизме машина выступала в качестве универсальной модели бытия, а также новой рациональной системы мышления. Выражаясь термином И. Лакатоса, механицизм стал «метафизическим ядром» складывающейся парадигмы. Однако в европейской культуре метафора «*machina mundi*» (породившая метафору машины общества посредством переноса свойств макрокосма на микрокосм) появилась задолго до механицизма XVII—XIX вв. Так, Анаксимандр Первый представил модель мира как колесный механизм, на огненных колесах которого располагались планеты*. По словам В. Шевченко, «его колесо — первый шаг на пути той механизации космоса, что отличает античную астрономию» [1]. Колесо, а позднее шестерня, в дальнейшем станут эмблемой техники** (налицо метонимический перенос с части на целое, при котором минимальная, существенная часть машины олицетворяет ее целое). В той или иной степени, идея механизированной Вселенной прослеживается в автоматическом театре поздней античности (однако свое очевидное выражение находит лишь в механических театрах Средневековья и Ренессанса). В Средние века Гуго Сен-Викторский (1096—1141) и ряд других христианских платоников развивали высказанную Платоном идею божествен-

---

* Так называемый *гномон*. В механизме было 3 колеса: на первом от Земли размещались звезды, на втором — Луна, на третьем — Солнце.

** Некоторые исследователи в образе шестерни усматривают солярную символику. Так, по мнению Л. Мэмфорда подобный символ объединяет в себе образ солнца, обладающего властными коннотациями (см. например, сравнение абсолютного монарха со светилом в эпоху позднего Возрождения и Барокко: Елизавета, Людовик XIV — «*le roi soleil*» и др.) и образ техники, подтверждая, таким образом, наличие связи между техникой и практиками власти. В свою очередь, начиная с XVI в. «небесная механика» проецировалась на государственное и общественное устройство.

ного Демиурга, самого Бога — как «Архитектора» или «Протомеханика» мира, сам же этот мир рассматривали как «машину», сконструированную Богом, которая функционирует по задуманным им законам и служит «инструментом» исследования. Механические театры храмов позднего Средневековья и Ренессанса были наглядным воплощением метафоры «*machina mundi*»: механики искусно создавали иллюзию движения небесных сфер, моделировали сцены из Библии, использовали световые и звуковые эффекты.

Важным этапом в складывании механистической картины мира стало изобретение механических часов, которые стали первым совершенным архетипом Вселенской Машины. Считается, что первые маятниковые часы изобретены в Германии около 1000 г. Многие исследователи разделяют мнение о том, что изобретение механических часов стало важнейшей вехой в формировании картины мира Нового времени. В частности, Л. Мэмфорд называет механические часы «архетипической моделью новой системы мышления», и далее пишет: «По сути, часы явились прообразом всевозможных автоматов: практически все, чего можно достичь с помощью автоматов и чего мы ожидаем от них, было впервые осуществлено в часовом механизме. В постепенном превращении огромных кафедральных часов XVI столетия в крошечные наручные часы «с автоматическим заводом», с их функциями календаря и будильника, тоже можно увидеть самый ранний пример процесса миниатюризации, которой сегодня так гордится (и небезосновательно) электронная технология» [2]. По мнению К. Маркса, в технологическом аспекте часы стали одной из первых совершенных машин, предвосхитивших промышленную революцию, поскольку именно часы дали идею автомата и автоматического движения, применяемого в производстве. В 1863 г. в письме Ф. Энгельсу он замечает, что «часы — это первая автоматическая машина, приспособленная к практическим целям; благодаря им развилась целая теория производства и правильного движения» [2]. Механические часы — первый образец создания, работающего без участия создателя. Автономность, внутреннее движение, составной, упорядоченный характер, телеологичность — основные характеристики машины по Марксу — присущи именно механическим часам. Часы также — воплощение универсального порядка, орудие синхронизации деятельности со временем. Механические часы — прибор, в котором таинство движения и структурирования Вселенной было наглядно реализовано в прихотливом механизме рычагов и зубчатых колес, символизирующих механику небесных сфер. К середине XVII в. искусство создания механических часов достигло небывалых вершин, а образы «мир—часы» и «Бог—часовщик» окончательно зафиксировались в философском дискурсе. В тот же период, с формированием науки Нового времени, машина становится моделью мышления, научным методом, а также новой формой господства над природой и человеком.

Механицизм формируется на волне увлечения причудливыми сложными механизмами (шарманки, музыкальные шкатулки, часы, счетные

устройства, куклы, заводные автоматы). По словам Ж. Бодрийяра, «подделка составляет господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции... Подделка идет на всех уровнях, от ложного жилета (только спереди) до лепных интерьеров и грандиозных театральных машин барокко... Начиная с Возрождения театральность охватывает все формы социальной жизни и архитектуры» [3, с. 113—115]. В свою очередь, автоматы стали идеальным воплощением театральности и искусственности культуры Нового времени, продуктами игровой демиургии Нового Человека.

Возникновение механицизма также совпадает с укреплением и централизацией власти в Европе или, пользуясь терминологией Фуко, с образованием «дисциплинарных обществ». Л. Мэмфорд отмечает корреляцию процессов, получивших развитие в Европе XVI—XVII вв.: 1) централизации политической и военной власти, формирования абсолютизма и 2) совершенствования техники, распространения механистического мировоззрения. По сути, механистическая картина мира стала тем типом рациональности, который был положен в основу социальной политики эпохи. Для абсолютного монарха (а впоследствии и для промышленника, менеджера и технократа) механические часы или заводной автомат являлись моделью тотальной управляемости, рационального порядка. Регулярность, иерархичность, проницаемость управления в машине становятся желанными характеристиками власти в рамках абсолютной монархии. Мифологемы «государство—машина», «подданные—автоматы» — формируются именно в абсолютистском дискурсе Нового времени.

Абсолютистский дискурс (в рамках рационалистического дискурса Нового времени) основан на проектной мировосприятии*, т.е. реальность (в данном контексте социальная реальность) воспринимается как активно моделируемая конструкция. Государство как сотворенная машина (или проект) рационально и понятно именно в силу своей искусственности, что соответствует принципу Джамбаттисты Вико: «*verum et factum convertuntur*» — истинное и сделанное совпадают. Сходную мысль высказывал и современник Декарта Мерсенн, заявляя: «*comprendre, c'est fabriquer*» («понимать значит изготавливать»). Монарх предстает в виде механика, обладающего знанием-властью над своим творением. Соответственно, в данном контексте затрагивается взаимосвязь власти и знания. Идея знания как источника власти берет свое начало в средневековой оккультной традиции (алхимия, герметизм и т.д.), сформированная в Новое время европейская наука унаследовала и популяризовала данное представление. Научное обоснование взаимосвязи власти и научного знания было осуществлено в работах Б. Рассела, Л. Мэмфорда и М. Фуко.

---

* В научном дискурсе культура Нового времени зачастую именуется «проектной культурой».

Абсолютистское государство той эпохи развилось в сложный, упорядоченный механизм, в отношении которого довольно удачно применялась машинная метафорика. По словам К. Шмидта, «его (государство) можно ... рассматривать как первое порождение технической эпохи, как первый из великолепных механизмов Нового времени — как *machina machinarum*, по удачному выражению Гуго Фишера. С возникновением этого государства не только была создана существенная духовно-историческая или социологическая предпосылка последующей индустриально-технической эпохи: оно само уже явилось типическим, даже прототипическим продуктом новых времен, времен техники» [4, с. 154].

Рассматривая возникновение метафоры «машина власти» необходимо обратиться к теории Т. Гоббса. Именно Т. Гоббс впервые вводит в дискурс Нового времени мифологему «машины государства», создав общее семиотическое поле для понятий «техника» и «власть». По словам К. Шмидта, «идея государства как созданного людьми, технически совершенного *magnum artificium*, машины, которая находит свое «право» и свою «истину» только в себе самой, в своей функции и ее результатах, впервые была сформулирована Гоббсом, придавшим ей систематический вид ясного понятия» [4, с. 174].

Под влиянием механицизма Р. Декарта Гоббс первым создает законченную систему механистического материализма, в рамках которой машине уподобляется как человек, так и наиболее грандиозное его творение — государство. Введение трактата «Левиафан» (1651 г.) начинается программным изложением механистических воззрений мыслителя. «Человеческое искусство (искусство, при помощи которого Бог создал мир и управляет им) является подражанием природе как во многих других отношениях, так и в том, что оно умеет делать искусственное животное. Ибо, наблюдая, что жизнь есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части, разве не можем мы сказать, что все автоматы (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь? В самом деле, что такое сердце, как не пружина? Что такое нервы, как не такие же нити, а суставы — как не такие же колеса, сообщающие движение всему телу так, как этого хотел мастер? Впрочем, искусство идет еще дальше, имитируя разумное и наиболее превосходное произведение природы — человека. Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (*Commonwealth, or State*), по-латыни — *Civitas*, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти — искусственные суставы; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляют-

ся к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу, *salus populi*, безопасность народа — его занятие; советники, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы суть искусственный разум (*reason*) и воля; гражданский мир — здоровье, смута — болезнь и гражданская война — смерть» [5, с. 6].

Из данного отрывка следует, что восприятие государства в качестве машины происходит в рамках механистического восприятия всего мироздания («жизнь — лишь движение членов»). Создание «искусственного» (не живого, но и не мертвого) является человеческим искусством, имитирующим деятельность Бога — «Протомеханика» (*Artificer*). Уподобление человека автомату изображается косвенно: посредством «оживления машин», причем в качестве примера автоматов Гоббс использует часы, вновь эксплуатируя таким образом мифологему «мир—часы». Поскольку мир машиноподобен, то и процесс творения — есть процесс создания машины. В свою очередь государство — «искусственное животное», результат человеческого искусства — также является машиной высшего порядка, имитирующей строение своего создателя — Человека. Подобно человеку Левиафан имеет внутреннее строение: его тело состоит из более мелких «политических тел» (группы людей, «которые сопоставимы со сходными частями, или мускулами, естественного тела»), в государственном организме имеются суставы («представители судебной и исполнительной власти»), нервы («награда и наказание»), кровь («деньги»); государство также питается (ресурсами, товарами, золотом и т.д.) и производит потомство (колонии). Это дает возможность называть государство репродуктивной машиной.

Образ государства у Гоббса неоднозначен и включает в себя сразу несколько взаимосвязанных образов; по сути, мы имеем дело с четырьмя образами: «Смертного Бога», большого человека, огромного животного и грандиозной машины, созданной человеческим искусством и изобретательностью. Государство Гоббса, таким образом, синтезирует в себе целый ряд смежных по отношению друг к другу мифологем, присущих дискурсу Нового времени (общество—машина, общество—организм, человек—машина, человек—животное и т.д.) В частности, такие характеристики тоталитарного государства, как антропоморфность и механистичность, неоднократно отмечались в работах Э. Канетти, В. Паперного и И. Голомштока. Сочетание органического и механистического подходов как к политико-правовым вопросам, так и другим аспектам человеческого бытия, — характерная особенность позиции Гоббса. Более того, в трактате обозначены магистральные научные метафоры (общества—машины и общества—организма), которые легли в основу последующих философских учений об обществе. Таким образом, по нашему мнению, Т. Гоббс не только являлся создателем

оригинальной социальной теории, но также существенно повлиял на более поздние механицистские и органические концепции.

Машиноподобный порядок, устанавливаемый с помощью насилия или общественного договора, становится единственной возможной альтернативой иррациональному хаосу «природного состояния». Неограниченная власть индивида сменяется неограниченной властью государства, носителем которой становится суверен или группа лиц. Власть государства, в свою очередь, абсолютна и неделима. «Ибо делить власть государства — значит разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга». Суверен становится воплощением государственной власти, «смертным богом», «которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой» [5, с. 133]. Суверен не наказуем и обладает верховной законодательной, исполнительной и судебной властью. Его власть ограничена лишь рамками божественной воли и естественным законом. Он также выступает в роли «души» Левиафана в соответствии с картезианским представлением о человеке, как механизме, наделенном душой.

Целостность государства, по Гоббсу, — это единство, основанное на страхе (перед анархией, с одной стороны, и карой суверена — с другой) и силовом принуждении. В этом Гоббс солидарен со своими предшественниками, подчеркивавшими репрессивный характер государства. Более того, существование государства вне насильственной власти невозможно.

Абсолютная монархия, по мнению Гоббса, является идеальной формой правления. Как уже отмечалось ранее, с централизацией политической и военной власти влияние получают именно механицистские теории. Убежденный роялист Гоббс создал модель государства, соответствующую интересам абсолютистской идеологии: государство как идеально контролируемая машина, состоящая из человеческих деталей. Функциональность, слаженность и тотальная проницаемость абсолютистского государства получили в «Левиафане» теоретическое обоснование, в то время как модель государства-машины продолжала активно внедряться на европейском континенте Нового времени. По сути, в труде Гоббса зафиксированы тенденции дальнейшего развития государственной власти в Европе.

В свою очередь метафора машины власти, «государственного/общественного механизма», введенная Гоббсом в дискурс Нового времени, получает широкое распространение. В определенном смысле, овеществление метафоры Гоббса происходит в проекте Бентама «Паноптикон», подробно проанализированном в работе М. Фуко «Надзирать и наказывать». Фуко видит в этом проекте архитектурный образ дисциплинарной власти, модель организации дисциплинарного, технологического общества.

По словам Тоффлера, идея мира и государства как машины «явно довлела над умами творцов американской конституции, разработавших структуру государственной машины, все звенья которой должны были действовать с безотказностью и точностью часового механизма» [6, с. 14].

Метафору Гоббса, синтезирующую машинное и природное начало в обществе, наследует также Анри де Сен-Симон. В 1813 г. он писал: «Общество... — это, прежде всего, настоящая слаженная машина, все части которой по-разному способствуют движению целого. Объединение людей образует настоящее Существо, крепкое или слабое в зависимости от того, насколько регулярно его органы выполняют порученные им функции» [7, р. 57].

Идея механизма власти становится особенно популярной в XIX в. в позитивистском и марксистском дискурсах. В частности, Г. Спенсер наследует традицию Гоббса, синтезируя механицистский и органицистский подходы к обществу. Спенсер переносит идею эволюции с живых существ на социальные процессы, анализируя общественную жизнь в терминах биологии (говоря об обществе, Спенсер использовал термин «надорганизм», деньги уподоблялись кровавым частицам и т.д.). Спенсер также пользовался машинными аналогиями, располагая все общества по шкале сложности структуры и функциональной организации от «малого простого агрегата» до «большого агрегата».

Метафора «машина—государство» с акцентом на тотальность и репрессивность ее власти часто фигурирует в трудах Маркса, Энгельса и их последователей. Так, Маркс в «Гражданской войне во Франции» пишет: «В XIX веке развилась происходящая от Средних веков централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством, судейским сословием». С развитием классового антагонизма между капиталом и трудом «государственная власть принимала все более и более характер ... *машины классового господства*» [8]. Созвучную идею высказывает Ф. Энгельс («Развитие социализма от утопии к науке»): буржуазное государство, какова бы ни была его форма, «есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист» [9]. Энгельс, в своем описании государства, практически воспроизводит аналогии, характерные для Левиафана: государство-машина — «капиталистическая машина», государство-человек — «совокупный капиталист».

158 Марксистское прочтение государства подытоживает В. И. Ленин: «Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» [10, с. 75].

Частотность метафор государство—машина, общество—машина в текстах Маркса, Энгельса и Ленина была во многом обусловлена эпохой: формированием капиталистического общества, масштабной индустриализацией XIX — начала XX в., превративших технику в определяющий фактор развития государств. Абсолютизм эпохи Гоббса сменяется капитализмом, при котором машинерия перестает быть причудливой заводной игрушкой и начинает играть колоссальную роль не только в массовом производстве, но и в сфере господства и дисциплинарного контроля. Характерные для марксизма антропологический

интерес к технике и концепция детерминированности состояния общества его научно-техническим развитием существенным образом повлияли на стилистику и метафорику, присущие марксистскому дискурсу.

Крайне широкая популярность марксизма и его позднейшее насаждение в государственных масштабах способствовали окончательному закреплению метафоры машины власти в современном дискурсе.

Литература

1. Шевченко В. «Космическое колесо» / В. Шевченко // Веер будущих веков : техно-гуманитарный вестник. URL: <http://veer.info/54/8.htm>.
2. Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л. Мэмфорд. URL: <http://primitiv.anho.org/?q=node/28>.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — М. : Добросвет, 2000.
4. Шмидт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / К. Шмидт. — М. : Владимир Даль. — Серия : Civitas Terrena, 2006.
5. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. — М. : Мысль, 1991. — Т. 2.
6. Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. — М., 1986.
7. Saint-Simon C.-H. La Physiologie sociale. Oeuvres choisies / C.-H. Saint-Simon. — Paris, 1965.
8. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1961. — Т. 17.
9. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1961. — Т. 20.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — 5-е изд., Т. 39.

Саратовский государственный технический университет

Кирсанов Я. А., магистр культурологических наук; кафедра культурологии факультета управления социальными системами

E-mail: kirsanovyaaya@mail.ru

Тел.: (8452) 66-67-91

*Saratov State Technical University
Kirsanov Ya. A., Master of Cultural
Studies; Faculty of Social Systems
Management, Cultural Studies Department
E-mail: kirsanovyaaya@mail.ru
Tel.: (8452) 66-67-91*